

СТРУКТУРАЛИЗМ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Термин «структурализм» впервые был употреблен в 1939 г. в статье голландского лингвиста Х. Поса, хотя исторические корни этого направления лежат в индийской языковедческой традиции, в первых попытках строгого описания языка древнеиндийским ученым Панини. В средние века это направление находит выражение во всеобщей рациональной грамматике, позднее – в работах Р. Декарта и В. Лейбница. На возникновение и формирование структурализма значительное влияние оказали идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатова, Л. Блумфилда, Н. С. Трубецкого, Л. Ельмслева, Э. Сепира, Ф. де Соссюра и других ученых. В 20 – 40-х гг. XX века складываются школы структурализма, сыгравшие значительную роль в разработке его концепций и методов: Пражская лингвистическая школа, датский структурализм, или глоссематика, дескриптивная лингвистика в США. Заметное влияние на становление структурализма оказала русская формальная школа в литературоведении (Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, Ю. Н. Тынянов и др.).

Структурализм возник, прежде всего, как отрицание младограмматизма с его вниманием к истории и психологии языка, с его эмпиризмом. Возникновение структурализма было обусловлено также развитием науки, в которую широко проникает идея элементов и структуры. Понятие структуры становится в середине XX в. одним из самых популярных, при различном понимании ее в терминологии разных наук. В самом общем плане под структурой обычно понимается способ связи между элементами соответствующего явления. Понятие структуры входит и в языкознание, хотя и в разной трактовке в различных направлениях структурализма. В истории этого лингвистического направления выделяют несколько этапов. Первый этап развития структурализма в языкознании (до 50-х гг. XX века) характеризовался повышенным вниманием к структуре плана выражения в языке, который более доступен непосредственному наблюдению и строгому описанию. Это приводило к преувеличению роли отношений между формальными элементами языковой системы, к игнорированию в ряде случаев самих элементов как языковых сущностей, к отвлечению от содержательной стороны языка. В этот период предпочтительное внимание уделяется статике языковой системы, практически не исследуются психологические и социальные факторы функционирования и вариативности языка. Второй этап (с 50-х гг.) структурализма характеризуется пристальным вниманием к изучению плана содержания языка, к динамике языковой системы. С 70-х гг. начинается третий этап в развитии структурализма. Структурализм, разработав к этому времени аппарат строгого описания системы языка, перестает существовать как обособленное направление в языкознании. Методы и приемы структурализма начинают применяться в социолингвистике, психолингвистике, сравнительно-историческом

языкознании, что перестает противопоставлять его как новым направлениям, так и традиционному языкознанию.

Хотя школы структурализма расходятся по некоторым довольно существенным вопросам исследования языка, они объединяются на общей концептуальной платформе, сущность которой можно выразить следующими тезисами: 1) язык – это системно-структурное образование, в котором все его единицы связаны между собой разнообразными отношениями; 2) язык представляет собой систему знаков, соотносящихся с другими символическими системами в пределах общей для них дисциплины – семиотики; 3) при изучении любого естественного языка следует отличать язык и речь; 4) в основе языковой системы лежат универсальные отношения – синтагматические и парадигматические связи между единицами языка на всех его уровнях; 5) язык может исследоваться с двух точек зрения – синхронической и диахронической, приоритет при структурном изучении языка принадлежит синхронии; 6) статика и динамика являются сосуществующими состояниями языка; за счет статики происходит сбалансированность языка как системы, динамика обеспечивает возможность изменений в языке; 7) язык представляет собой самостоятельное явление со своими внутренними законами, изучать его нужно, прежде всего, с учетом внутриязыковых факторов; 8) в исследовании языка необходимо использовать строгие, точные методы, сближающие лингвистику с естественными науками. Одно из направлений структурализма представлено Пражским лингвистическим кружком, или Пражской лингвистической школой.

Пражская лингвистическая школа. Пражская лингвистическая школа возникла в 1926 г. по инициативе чешского германиста Вилема Матезиуса (1882 – 1945). Указанное название отражает географический момент, так как главные идеи школы оформились в деятельности Пражского лингвистического кружка. Кружок объединил исследователей славянских и германских языков и литератур, борющихся за структурный и функциональный подход к языку и литературе. «Русское ядро» кружка составили Н. С. Трубецкой (1890 – 1938), С. О. Карцевский (1884 – 1955) и Р. О. Якобсон (1896 – 1982). Кроме них, в кружок входили Богумил Трнка, Богуслав Гавранек, Владимир Скаличка и другие чешские лингвисты. Официально кружок существовал до 1952 г., реально – до начала второй мировой войны, выпустив за это время 8 номеров своих «Трудов». На заседаниях кружка выступали, а также публиковали свои работы в его изданиях А. Мартине (Франция), Л. Блумфилд (США), К. Бюлер (Австрия), Л. Ельмслев (Дания), Д. Джоунз (Англия), В. Дорошевский (Польша), Г. О. Винокур, Е. Д. Поливанов, Ю. Н. Тынянов и другие ученые. Девиз Пражского лингвистического кружка выражается двумя словами: структура и функция – поэтому его иногда называют Школой функциональной лингвистики. Один из участников Пражского лингвистического кружка Й.

Вахек подчеркивал, что структурность и функциональность являются двумя характерными особенностями этой школы.

Лингвистическая концепция Пражской школы направлена, прежде всего, против младограмматического истолкования языка и методов его исследования. Преодолевая атомистические и генетические принципы младограмматиков, участники Пражского кружка восприняли и развили дальше в цельную научную концепцию ряд положений Ф. де Соссюра и русской лингвистической традиции, представленную в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова. Многие положения лингвистической концепции Ф. де Соссюра в деятельности Пражского кружка подверглись иной трактовке, переоценке и переосмыслению и получили в ряде случаев свое дальнейшее развитие. Наиболее полное выражение общетеоретические установки ПЛК нашли в «Тезисах», представленных I съезду славистов в 1929 г. Общие положения в «Тезисах» в значительной мере связаны с конкретной проблематикой изучения славянских языков.

Представление о языке как функциональной системе обнаруживается уже в первых формулировках «Тезисов». С функциональной точки зрения «язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели». Здесь же подчеркивается и системный характер языка: «Ни одно явление в языке не может быть понято без учета системы, к которой этот язык принадлежит» (39, 123, ч. II). Если у Соссюра «язык, рассматриваемый в самом себе и для себя», является «единственным и истинным объектом лингвистики», то пражцы подчеркивают связь языка с внеязыковой действительностью, «без которой он не имеет ни смысла, ни права на существование». Пражские структуралисты признают социальную природу языка, отмечая, что «структура языка тесно связана с окружающими ее структурами». В связи с этим пражцы большое внимание уделяют изучению структуры литературного языка, которая, складываясь из ряда частных систем, обладает ярко выраженным социальным и функциональным характером. Много внимания уделяют они и отношениям языка к литературе, искусству, культуре. Такое соотносительное изучение структуры языка исходит из необходимости рассматривать языковой знак в его реализации, в отношении к окружающей действительности. Важнейшей чертой языковых систем пражские структуралисты считали их функциональное назначение, практическое использование, при этом важны не только отношения внутри языковой системы, но также отношения языковой системы к внеязыковой действительности.

Антиномия Соссюра «синхрония – диахрония» получает несколько иную трактовку в Пражском кружке. Пражцы выдвигают тезис о равноправности синхронического и диахронического подхода к языку, полагая, что системный, структурный анализ необходим и в области диахронии. В этом случае должно вестись не только историческое или хронологическое описание изменений языка, а производиться вскрытие

системных причин этих изменений. По мнению пражцев, диахронические законы отличаются в структурном языкознании от синхронических только тем, что они ограничены во времени относительной хронологией и приводятся в исторической последовательности. Синхрония и диахрония в Пражском структурализме не представляют собой независимых областей и аспектов изучения языка, но взаимопроникают друг в друга.

Одной из главных заслуг Пражского кружка перед мировым языкознанием является создание фонологии как научной дисциплины. Наиболее полно взгляды на сущность фонологических проблем изложены в работе Н. С. Трубецкого «Основы фонологии» (1939). В этой книге Трубецкой впервые показывает системность языка, исследуя фонологические системы более 100 языков. Здесь же он впервые противопоставил фонетику и фонологию и определил их задачи. В «Основах фонологии» автор подвергает анализу все основные понятия новой науки: фонемы и ее признаков, оппозиции фонем, нейтрализации фонем, сочетания фонем и их положения в системе языка. С выходом в свет книги Трубецкого фонология становится ведущей дисциплиной в Пражской функциональной школе, подобно тому как историческая фонетика была главным полем и гордостью исследования младограмматиков.

Принципы структурного и функционального подходов пражцы стремились распространить и на изучение проблем морфологии и синтаксиса. Морфология понималась ими как раздел теории лингвистической номинации, тесно связанной с функционированием слова, с системой форм слов и их групп. Синтаксис рассматривался как теория синтагматических способов, в которой изучаются сочетания слов, возникающие в результате синтагматической деятельности. Противопоставление языка и речи в синтаксисе ведет к разграничению предложения и высказывания.

Одно из направлений функционального синтаксиса было представлено работами Матезюса, в которых он выдвигает идею актуального членения предложения соотносящего предложение с контекстом ситуации и противостоящего его формальному, грамматическому членению.

Другое направление функциональной грамматики было разработано Якобсоном. Он построил систему грамматических оппозиций языка, основываясь на понятиях фонологической оппозиции и различительных признаков фонемы Трубецкого, поскольку признавал принцип структурного изоморфизма (сходства) между фонологической и грамматической системами. Свою систему Якобсон применил к анализу падежной системы русского языка, представляя ее как совокупность трех различительных признаков, образующих общее значение падежа: 1) направленность – ненаправленность действия (указание направления действия на предмет – вин., дат., предл. падежи, отсутствие направленности – имен., род., твор. падежи); 2) объемность – необъемность действия (предел участия в действии и отсутствие такого предела – род. и предл. падежи); 3) периферийность – непериферийность действия (указание на второстепенную роль в содержании

высказывания – дат., твор., предл. падежи, указание на главную роль – имен., вин. падежи). В центре грамматической теории Скалички – поиски минимальной единицы, которая составляет основу грамматической системы. Он предлагает выделять в слове не морфологический (морфему), а грамматический элемент, считая таковым не морфему, а сему, являющуюся одновременно и функциональным и формальным элементом.

С деятельностью Пражского кружка связано оживление интереса к типологическому изучению языков. По мнению пражцев, разработка фонологических и грамматических проблем, связанная с выделением фонологических и грамматических типов в языке, дает возможность для выявления общих закономерностей развития языков. Пражские лингвисты в своих исследованиях показали, что иногда группы соседних языков обнаруживают сходные черты даже в том случае, когда они принадлежат к генетически разным языковым семьям. По их мнению, такие географически смежные неродственные языки, обладающие существенными сходными чертами в синтаксической, морфологической или фонологической структурах, образуют языковой союз. Типичным примером языкового союза является балканский языковой союз, который включает в себя греческий, албанский, болгарский и румынский языки.

Пражская школа структурализма внесла существенный вклад в развитие языкознания. Выработанные ею основные понятия фонологии и принципы фонологического описания языков, положения функциональной грамматики, учение о литературном языке и функциональных стилях, культуре речи, языковых союзах обогатили языкознание новыми подходами к изучению языка.

Датский структурализм, или глоссематика. Название датского структурализма «глоссематика» (первоначально она именовалась фонематикой) появилось в 1936 г. и восходит к греческим элементам *glōssa* – язык + *sema* – знак. Это наименование должно было подчеркнуть принципиально новый подход к языку. Традиционное языкознание, по мнению датских структуралистов, слишком субъективно и не может претендовать на научность. Начало глоссематики было положено Копенгагенским лингвистическим кружком, который оформился после Пражского, в 1931 г. Виднейшими представителями датского структурализма являются Виго Брэндалль (1887 – 1942), Ханс Ульдалль (1907 – 1957) и главный теоретик этого направления Луи Ельмслев (1899 – 1965), которому, как создателю глоссематики, принадлежит и наибольшее количество работ. К работам, излагающим основные положения глоссематики, относятся статья В. Брэндалля «Структуральная лингвистика» (1939), книга Х. Ульдалля «Основы глоссематики» (1957) и труды Л. Ельмслева «Пролегомены к теории языка» (1943), «Принципы всеобщей грамматики» (1928) и некоторые другие.

Теория глоссематики возникла на основе лингвистической концепции Ф. де Соссюра, ее требования изучать язык «в себе и для себя». По мысли

Ельмслева, лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых явлений – физических, физиологических, психологических, логических, социологических, но как самодовлеющее целое, структуру. В структуре языка следует выделить постоянные, независимые от «внеязыковой действительности» элементы, присущие любому языку. Основным пороком традиционной лингвистики, по мнению Ельмслева, заключается в том, что ее главное содержание было направлено не столько на изучение системы языка, сколько на психологические, физиологические, социологические и исторические проявления речевой деятельности. Подлинно же научное языкознание должно быть имманентным, то есть оно должно изучать конструктивные элементы языка, свойственные человеческой речи вообще, а не данному конкретному языку. Тем самым Ельмслев ставит перед собой задачу создания универсальной лингвистической теории.

Рассматривая соссюрское противопоставление «язык -- речь», Ельмслев приходит к выводу, что оно охватывает по крайней мере четыре разных понятия: схему – норму – узус – акт. Схема языка есть чистая форма, определяемая независимо от социальной реализации и материального оформления. Языковая норма представляет собой материальную форму, связанную с социальной реализацией, но независимую от деталей проявления. Языковой узус – это совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактами наблюдаемых проявлений. Эти три понятия, считает Ельмслев, составляют «язык» в понимании Соссюра. Понятие акта, вводимое Ельмслевым, есть индивидуальный речевой поступок, говорение. Это понятие соответствует «речи» Соссюра. По Ельмслеvu, узус вместе с актом речи образует материальную сторону языка, противопоставленную стороне нематериальной, какой является схема языка. Если Пражская школа понимает язык как систему социальных норм, реализуемых в процессах индивидуальной речи, то Ельмслев полагает, что норма не представляет интереса для лингвиста, ее понятие излишне. Для него языковая система представляется нематериальной схемой, в которой важны отношения между элементами языка, а не сами материальные элементы, которые в эти отношения вступают. И в этом случае в языке постоянной является только «форма», «чистая схема», взаимное отношение языковых единиц, а то, как «форма» выражается, несущественно, выражение может меняться: звуковая, графическая форма выражения, азбука Морзе, иная сигнальная система.

Язык рассматривается Ельмслевым как частный случай информационных систем, входящий в широкую систему коммуникативных средств, изучаемых семиотикой. Анализ некоторых семиотических систем привел Ельмслева к выявлению пяти характерных признаков языка. Язык состоит из 1) содержания и выражения; 2) связи между содержанием и выражением; 3) текста и системы; 4) соотношения между текстом и системой; 5) разложения языковых знаков на более мелкие компоненты. Разграничивая

план выражения и план содержания в языке, Ельмслев к плану выражения относит внешнюю сторону языка, то есть звуковую или иную оболочку мысли, к плану содержания – мысль, находящую выражение в языке. В плане выражения выделяется субстанция и форма. Субстанция – это звуки, внеязыковой материал, лежащий за пределами языка, форма – способ использования материала в данном языке, сам язык, состоящий из пучков отношений. Форма выступает как нечто постоянное, как абстрактная автономная сущность, которая может реализоваться в разных субстанциях. Соответствие между содержанием и выражением не является прямым соответствием между определенными элементами одного и другого плана, языковые знаки могут распадаться на более мелкие компоненты. В плане выражения такими компонентами знаков выступают фонемы, которые Ельмслев называет таксемами выражения, в плане содержания – фигуры, неразложимые далее единицы содержания. Фигуры в его понимании выступают как некоторые элементарные смыслы, комбинация которых придает значение знаку. Так, в паре *мальчик – девочка* выделяется фигура <пол> (мужской – женский), *девочка – женщина* – фигура <возраст> (юный – зрелый) и т.д. В любом языке число фигур выражения не превышает 70 – 80, а число фигур содержания не намного больше. «Таким образом, – отмечает Ельмслев, – язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием негодным для своей задачи» (35, 305).

По Ельмслеву, целое (язык) состоит не из вещей (элементов), но из отношений, поэтому научное существование имеет не субстанция, но ее внутренние и внешние отношения. Для выражения этих отношений Ельмслев употребляет термин «функция». Функция устанавливает зависимость между выделяемыми частями текста, из которого в результате анализа извлекается система. И в тексте и в системе устанавливаются три общих типа глоссематических функций, под которые подводятся отношения между любыми единицами плана выражения и плана содержания:

1. Двусторонняя зависимость (интердепенденция), имеющая место между двумя элементами, которые не существуют один без другого: между существительным и глаголом, подлежащим и сказуемым.

2. Односторонняя зависимость (детерминация), когда один элемент предполагает другой: предлог *около* предполагает родительный падеж, но обратной зависимости нет.

3. Свободная зависимость (конstellация), при которой один элемент может существовать без другого: категории лица и рода в русском глаголе.

Выделение функций, а также фигур дает основание Ельмслеву сделать вывод о том, что структура языка представляет собой сеть зависимостей, сеть функций. Использование математической зависимости для изучения отношений в языке побудило глоссематиков называть свою теорию имманентной алгеброй языка. И хотя теория глоссематиков оказалась мало

приложимой к изучению материала конкретных языков и их связей с внеязыковой действительностью, попытка теоретически установить все возможные связи и отношения в языке между любыми языковыми единицами оказалась плодотворной. Предельная формализация языка положила начало математической лингвистике и плодотворно повлияла на дальнейшую разработку общей теории языка.

Дескриптивная лингвистика в США, или американский структурализм.

Дескриптивная, или описательная лингвистика, возникла в США в 20 - 30-х годах XX столетия, у ее истоков стояли такие выдающиеся лингвисты, как Франц Боас (1858 – 1942), Эдуард Сепир (1884 – 1939) и Леонард Блумфилд (1887 – 1949). Поскольку в своих методологических принципах и исследовательских приемах она опирается на структурные принципы, то ее рассматривают как одно из направлений структурализма. Американский структурализм установился на нескольких идейных платформах, поэтому говорить о единой школе можно только условно, исходя прежде всего из географических и национальных факторов.

Боас родился и окончил университет в Германии, собирался специализироваться в области физиологии, однако участие в арктических экспедициях побудило его заняться изучением эскимосских и индейских языков. Общелингвистические взгляды Боаса представлены в большом коллективном труде «Руководство по языкам американских индейцев» (1911 – 1922). Во введении к нему Боас показывает непригодность методов анализа, выработанных на материале индоевропейских языков, к изучению и описанию индейских языков. В индейских языках представлены особые языковые категории, отличные от привычных грамматических категорий, таких, например, как «слово» и «предложение». Разграничение слова и предложения в этих языках является трудновыполнимой задачей. По мнению Боаса, при исследовании индейских языков необходимо учитывать три момента: 1) составляющие язык фонетические элементы; 2) группы понятий, выражаемых фонетическими группами; 3) способы образования и модификации фонетических групп. Языки американских индейцев не зафиксированы письменно, не ясны их родственные отношения, поэтому они, по мнению Боаса, не поддаются исторической и сравнительной интерпретации, в силу этого необходимо выработать такие методы их изучения, которые бы опирались на описание формальных признаков языка.

Традиции Боаса продолжил Э. Сепир – один из известных специалистов по индейским языкам Америки. Однако, в отличие от Ф. Боаса, Э. Сепир видит сущность языка не столько в его внешних особенностях и формальных критериях, сколько в связях с культурой, обществом, историей, которые и определяют внутреннюю природу и его специфику у каждого этноса. В своей книге «Язык» (1921) он различает в языке физическую и идеальную систему (модель), причем последняя представляется ему более важной. Каждый язык, считает Сепир, сделан по особой модели, поэтому по своему членит окружающую действительность и навязывает этот способ

всем говорящим на нем людям. Люди, говорящие на разных языках, видят мир по-разному, восприятие окружающего мира в значительной степени бессознательно строится на языковых категориях. Эти идеи получили дальнейшее развитие в работах Б. Уорфа и получили название гипотезы Сепира – Уорфа, или гипотезы лингвистической относительности.

Сепир определяет язык как социальное явление и ставит вопрос о соотношении языка с иными формами человеческого поведения, в частности с культурой. Если культуру можно определить как то, *что* данное общество делает и думает, то язык есть то, *как* думают, считает Сепир. При этом он полагает, что нет прямого соответствия между строем языка и культурой народа; с культурой связан только словарный состав языка.

Теоретические взгляды Л. Блумфилда явились той основой, на которой возникла и развивалась американская дескриптивная лингвистика. Фактически Л. Блумфилд выступает в качестве создателя системы дескриптивной лингвистики, философской базой которой является позитивизм. Центральной и главной задачей лингвистики объявляется описание фактов языка, но не их объяснение, что и закреплено в наименовании этого направления как дескриптивного (от англ. to describe – описывать).

В начале своей деятельности Блумфилд сочувственно относился к идеям младограмматиков, однако уже в 1926 г. в статье «Ряд постулатов для науки о языке» он предлагает новую лингвистическую теорию и методику. Новая теория облекается в математическую форму постулатов, то есть гипотез и аксиом, исключающих противоречия. Проблема создания языковых постулатов поставлена Блумфилдом в качестве основной задачи теоретического языкознания в книге «Язык» (1933). В истории американского языкознания XX века эта книга занимает место, аналогичное «Курсу общей лингвистики» Ф. де Соссюра в истории европейского языкознания. Изложенные в книге «Язык» задачи, принципы и методы лингвистических исследований стали основой развития дескриптивной лингвистики, которая почти четверть века господствовала в американском языкознании.

Психологической основой лингвистической теории Л. Блумфилда является бихевиоризм (от англ. behaviour – поведение) – течение в американской психологии рубежа XIX – XX вв., основной тезис которого гласит, что о психической деятельности человека можно судить только по его поведению, по внешне выраженным реакциям. Следуя этому учению, Блумфилд рассматривает язык как особую форму поведения человека, языковые процессы – как явления одного порядка с биологическими процессами, сводит речевое общение к цепи стимулов и реакций на них. Свою общую теорию языка Блумфилд называет механицизмом, или физикализмом, и противопоставляет ее менталистским построениям.

Еще одной фундаментальной проблемой, поставленной Блумфилдом, явилась проблема языкового значения. Блумфилд считает значение языковой формы ситуативным, оно проявляется в ситуации «говорящий → речь → реакция слушающего». Поскольку ситуаций может быть великое множество, то определение языкового значения, полагает Блумфилд, является наиболее слабым звеном в науке о языке

С работами Блумфилда связано также создание теории уровней языка. Он считал, что описание языка нужно начинать с наиболее простого уровня – фонологического, определив все фонемы и их возможные комбинации. После описания фонологического уровня следует переходить к более сложному уровню, который он называет семантическим; семантика делится им на грамматику и лексику.

Последующие поколения американских лингвистов разрабатывали теоретические положения Блумфилда в различных направлениях. Одна группа его учеников и последователей (Дж. Трейгер, З. Харрис, Б. Блок), известных как Йельская школа, развивала формальные методы анализа языка, разработав усовершенствованную технику лингвистического анализа – дистрибутивную лингвистику. Языковеды этой школы требовали полностью исключить фактор значения из лингвистического исследования. Другое направление дескриптивизма, Энд-Аборская группа лингвистов (К. Пайк, Ю. Найда, Ч. Фриз), отказавшись от теоретических положений Блумфилда, также усовершенствовала технику его исследований. Лингвисты этой школы широко привлекают к лингвистическому анализу экстралингвистические факторы – социальные, этнические и т.д., что роднит их с учением Сепира. Третья разновидность американского структурализма представлена школой трансформационного анализа – Н. Хомский, Р. Лиз и другие лингвисты.

Все три отчетливых направления американской дескриптивной лингвистики основное внимание уделяют методике лингвистического анализа, приемам описания, созданию строгой формальной процедуры описания, то есть техникам описания языка.

Таким образом, появление структурализма обусловлено общими закономерностями развития научной мысли середины и конца XX века. В различных направлениях структурализма проявились национально-специфические черты, обусловленные как теоретическими установками того или иного направления, так и их прикладными задачами. Каждое из рассмотренных направлений структурализма внесло свой вклад в развитие современной лингвистики. Структурализм утвердил важнейший принцип языкознания XX века – рассмотрение языка как системы, части которой существуют лишь в их взаимосвязи и взаимозависимости.